Свет мал, а Россия велика.

Гончаров. Фрегат «Паллада»,
из сибирских впечатлений

– Отчего у вас в Сибири так холодно? – Богу так угодно!

Чехов. Очерки «Из Сибири»
по пути на каторжный Сахалин

Здесь сделалась тоска земли близка мне,
Здесь я увидел сквозь полярный свет,
Как из земли ползут нагие камни
Холодными осколками планет.

Юрий Домбровский, из колымских стихов

В детстве мир мой ограничивался Владивостоком, где я рос, и Иркутском, где жили родные. Москва и тем более зарубежье были фантастикой, я не очень верил в их существование.

Потом пошло как-то само, без усилий с моей стороны: Китай, обе Кореи, Япония… Острова Низида и Авадзи – у Неаполя и у Кобе, мутные Миссисипи и Меконг, туманный Сан-Франциско и вафельный Брюссель, невероятные Нью-Йорк и Новый Орлеан, что-то еще, забыл уже.

Со временем – не уверен, что это возрастное – интерес к заграницам да и вообще к перемещениям ослаб. Стало интереснее прочесть книгу английского классика, нежели отправиться в Лондон, где я никогда не был. Стало возможным спокойно умереть, так и не увидев Парижа. «Дед был за границей однажды – в Варшаве и в Берлине, в 1945-м, – думал я. – Был ли он ограниченнее или несчастнее меня? Ни разу!»

Железный занавес ковида, как можно догадаться, оставил меня равнодушным. Все заграницы, какие у меня были и еще, конечно, будут, – прекрасны. Но в сердце они по-настоящему не отозвались. Это не хорошо и не плохо – просто я настроен на иную волну. Не мое. Разъем другой.

Куда больше разнообразных чувств вызывали стреляющий Грозный и прифронтовой Донецк, беломорский Северодвинск и бамбуково-лианный Сахалин, Урал, Нижний, Брянск…

Но настоящим откровением стали Сибирь и Север. К этим стылым краям не остыть никогда.

Попробую передать несколько летучих впечатлений от этих редких земель, перемещения по которым сродни выходу в открытый космос. Чувствуешь себя невесомым, почти бестелесным, словно не едешь на машине, а летишь высоко-высоко, растворяясь в окружающей бесконечности.

Перегон

Гоню праворульный Surf из Владивостока в Красноярск.

С первыми сотнями километров отвыкаешь от города, входишь в ритм трассы. Нога прирастает к педали газа – непонятно, где кончаешься ты и начинается машина. Где-то под Дальнереченском телефон ловит сеть China Unicom. У Биробиджана из магнитолы раздаются китайские марши. Потом эфир надолго замолкает совсем, и остается только ровное гудение бензинового Surf'овского сердца.

Под покрышками – трасса «Амур», связывающая Хабаровск и Читу. Еще недавно – самый глухой, гиблый участок. Теперь он весь в асфальте, позволяет легко держать 150–170 км/ч и даже больше. С этим почти европейским автобаном диссонируют дикие (дико красивые!) пейзажи вокруг.

Такими должны быть все наши дороги. В самой большой стране национальным проектом следует делать именно свободу передвижения – в самом широком смысле.

Стремительные перегонщики, тихоходные местные жители, матерые дальнобои, цыганские кибитки отпускников со скарбом на крышах, автостоперы, байкеры…

Обгоны – стремительные и рискованные, как лобовые атаки. Дальнобои подмаргивают правым поворотником, когда можно обгонять, и левым, когда нельзя.

На склоне – фура с цистерной. Водитель жив – уснул, улетел с трассы, ждет помощи. Оставляю ему воды.

По обочинам – венки. Им не повезло – мне пока везет, надо постучать по дереву. Проверяю масло, даром что в его повышенном жоре «Сурф» не замечен. Машина здесь – не средство комфортной доставки себя из дома в офис. Здесь вообще иначе ценишь простые вещи: кружку чая, нож, канистру бензина…

Поселок Ерофей Павлович. Гаишники стоят у обочины и лениво помахивают палочками, как коровы, отгоняющие хвостами оводов. Китайцы строят православный храм.

Повсюду – до боли родные лица японских машин: простоватые «адэшки», прокачанные «марки», крепко сбитые «бигхорны»… Давно обрусевшие, ставшие своими в нашем огромном Зауралье. Сшивающие разорванные пространства России, как японские пленные когда-то помогали отстраивать разрушенную войной страну.

Названия, чарующие, словно залетевшие из других историй и географий: французской, японской, греческой? Лондоко, Икура, Итака, Аур, Амазар, Джелонда… Аксеново-Зиловское: вот где Вампилов нашел своего Зилова.

Граница Иркутской области, стела с полумифическим зверем – бабром. Дорога идет вдоль Байкала. В стороне грохочет Транссиб. Контейнеры FESCO и Hyundai, километровый столб с цифрами 5360 – это расстояние до Москвы. Вот она, настоящая Центральная Россия.

Страна наша – бесконечное пустое пространство с мерцающими кое-где точками человеческих поселений. И ведь по нашим меркам дорога эта – юг; дальше, на необъятных севера́х, нет и этого – одна география без демографии.

Бодайбо

Еду из Иркутска в Бодайбо – куда-то между Якутией и Бурятией. К золотопромышленникам.

В Качуге впервые встречаю Лену – еще маленькую, юную, неширокую. До Ледовитого ей – целая жизнь.

Асфальт кончается. Брошенные поселки, космическая пустота – и космическая же красота. На красноватых скалах – древние петроглифы: олени, лоси… Их когда-то изучал знаменитый археолог Окладников.

Сосняк вытесняется листвяком. Рожденный БАМом город Северобайкальск: сейсмически выдержанная архитектура, незамкнутые кольца домов – это защита от ветра. Вокруг священного моря – молодые по меркам геологов хребты: острые, зазубренные. Здесь Земля еще не остыла, ее потряхивает, из недр хлещет кипяток. В Дзелинде – горячие источники. Можно, отпарившись в бассейне под открытым небом, выйти и лечь прямо в снег.

Северомуйский тоннель – самый длинный в России, пробитый сквозь пятнадцать километров сплошной скалы. Когда его не было, поезда шли через жуткий Чертов мост на высоких (до 35 метров) тонких суставчатых ножках.

Таксимо, солянка и позы в придорожном кафе. Пожилой дальнобой просит передать какие-то бумаги в Бодайбо. Рассказывает: на днях было –63. «Не глушили, конечно. Потихоньку первую включишь и километров десять катишься, пока смазка в мостах не разойдется».

Когда едешь часы и дни по пустой, часто разбитой и более или менее проезжей только в зимнюю пору дороге, через дикие горы и пустынную тайгу, а потом вдруг возникает поселок, где живут люди, говорящие с тобой на одном языке, – это удивительное ощущение. Почти чудо.

Бодайбо. Река Витим – один из прообразов (наряду с Нижней Тунгуской) шишковской Угрюм-реки. Вокруг – заброшенные и действующие прииски,

Двигаясь обратно, воспринимаешь приближение большого города – чаще оживающий телефон, мелькающие такси – с легким раздражением: к чему это все? Да, человечество предпочитает теплые комфортные города. Но чем суровее климат, тем теплее отношения.

убитые драгами речки, горы перемытого грунта; человек давно стал мощным фактором геологической истории. Речка Вача – та самая, из Высоцкого. Очередной КрАЗ везет взрывчатку на нестихающий золотопромышленный фронт. Здесь отдельная, своя жизнь: железнодорожники, дальнобойщики, горняки… И сколько же красоты – дикой, бесплатной, бесхозной, не прячущейся нарочно, но спрятанной самим расстоянием!

Карьер. Пронизывающий ветер. В темном крошащемся сланце с блестками пирита растворено невидимое золото. Породу везут на обогатительную фабрику (у горняков слово «обогащение» имеет свой смысл). Строгое, режимное производство: ни тебе старателей с лотками и виски, ни самородков… Похоже на лагерь, причем не пионерский.

Двигаясь обратно, воспринимаешь приближение большого города – чаще оживающий телефон, мелькающие такси – с легким раздражением: к чему это все? Да, человечество предпочитает теплые комфортные города. Но чем суровее климат, тем теплее отношения. Чем меньше людей вокруг, тем ценнее каждый отдельный человек.

Колыма

Зимняя дорога. Из Магадана – на Трассу по каким-то делам. Дела уже забылись, дорога помнится.

Колыма – не только река, как Трасса – не только 2000-километровый путь от Магадана до Якутска. Это особая территория, сообщество, образ жизни. В здешних долготах слова обретают новые значения – тот же «материк», как здесь зовут остальную Россию. До самой Колымы от Магадана – полтысячи километров через водораздельный хребет. Ее следовало бы считать рекой скорее якутской, чем магаданской, но слишком уж прирос к Магадану титул «столицы Колымского края».

Асфальта нет, но мелькают яркие контейнеры экстренных пикетов – здесь можно обогреться, вызвать помощь… Отлично придумано для мест, где не ловит связь и «кругом пятьсот» – не фигура речи.

Поворот на Талую – знаменитый колымский курорт. Перевал Дедушкина Лысина. Неживой поселок Мякит – здесь много таких призраков.

Старинный аэропорт Сеймчана – бревенчатый теремок. Могилы летчиков, погибших при перегоне ленд-лизовских самолетов с Аляски в Сибирь. У местного главы в кабинете – непременный портрет президента. Вот что объединяет страну, кроме языка. И еще – шрифт на указателях с названиями населенных пунктов…

Палатка, Герба, Кадыкчан… Аборигенные топонимы русеют, обтачиваясь в речи, как стеклышки в море. В редкоземельном топониме Улахан-Аурум слились, как две реки, якутское и латинское слова: «большое золото».

Поселок Дебин, где в лагерной больнице «Левый берег» работал фельдшером заключенный Варлам Шаламов. Здание сохранилось, теперь это туберкулезный диспансер.

Поселочек Штурмовой, снежно-сахарные горы вокруг. Выковыриваю из смерзшегося грунта обжигающе холодные куски молочно-белого золотосодержащего кварца. На дороге стоят две лисы и внимательно на меня смотрят.

Случайно ли золото, соболь, газ прячутся на Севере? Сокровища не должны даваться легко – иначе обесценятся сами и разрушат душу человека? Само геологическое устройство Земли обнаруживает высший замысел: скрыть драгоценное далью и морозом…

Сусуман, город на четыре тысячи человек. Дома на бетонных курьих ножках – арктическое ноу-хау. С утра – всего -37: весна, потеплело. Дым из труб идет вверх, а потом, остывая, расползается в стороны шляпкой гриба.

Головокружительный, до мокрых ладоней на руле, перевал Лошкалах: серпантин, узкая снежная дорога без лееров… Не все километры – одинаковой длины.

Колесо пропорото скальником. Ремонт «шнурком» на ветру – редкий кайф. Отходя потом в тепле, руки сильно болят. Боль – признак жизни.

Ручей Глухарь, где сидел актер Георгий Жженов, автор великого колымского рассказа «Саночки».

Горячий чай в Усть-Омчуге, в бараке 1944 года постройки. Какой же мелкой и потусторонней кажется отсюда городская, телевизионная повестка…

На склоне лежат – уже годы – две рухнувшие фуры. Достать их нереально. На обочине – помятый Terrano и голосующий мужик. Его легший набок джип уже поставили на колеса, но теперь нужно масло на доливку.

Кто бы написал роман «Трасса» о нынешней Колыме?

Север – имею в виду не компасный румб, а сплав территории с человеком – нельзя бросать. Вот урок России миру: полноценное, не вахтовое жизнеустройство в высоких широтах. Холодная ковка особых людей. Север закаляет, дезинфицирует, меняет оптику, помогает понять то, что никогда не откроется жителям так называемых комфортных территорий.

Именно Север и Сибирь сделали Россию самой собой.

Может, юг уже исчерпал себя и следующий извод сапиенса – это «человек северный»?

Мы привычно хотим в тепло, как ребенок всегда просит сладкого. Но надо понять, что мороз наш – не проклятие, а благословение. Что жизнь есть и за 60-й параллелью. А к холоду привыкаешь еще быстрее, чем к жаре.

* * *

Россия никогда не спит. Жизнь в ней устроена по корабельному распорядку: когда засыпают москвичи, на вахту заступают дальневосточники. Кто-то всегда бодрствует, мы ничего не проспим.

Пройти нашу страну – жизни не хватит. Объять ее можно только сердцем.

За Уралом районы измеряют в Португалиях и Франциях. «Приезжайте из России в Берлин, вас сейчас произведут в путешественники: а здесь изъездите пространство втрое больше Европы, и вы все-таки будете только проезжий», – записал Иван Гончаров, прорубаясь в 1854 году с охотоморского побережья в Якутию. Даже сегодня от этих мест до Москвы – добрых восемь-девять часов лета. И примерно столько же часовых поясов.

Какое роскошное слово: «путешествие», путь и шествие. Куда весомее легкомысленного «туризма». Это слово родилось тогда, когда странствие было Делом. Занятием осмысленным и даже героическим. Преследовавшим цели военные, колонизационные, культурные, научные…

Дорога – долгая, бесконечная, нередко опасная – важная составляющая нашей общенациональной матрицы. Это не просто перемещение «из точки А…» – это медитация, созерцание, откровение.

Дальняя северная дорога дает мне ощущение небессмысленности мироздания и собственной прочной встроенности во Вселенную. Настраивает меня, как музыкальный инструмент, гармонизирует, обновляет.

Здесь – мое. Разъем – родной. Нигде мне не стать своим, только в нашем мерзлом Отечестве. Иногда отсутствие выбора – и есть настоящая свобода.

…А когда закончатся путешествия сухопутные, морские и воздушные, когда, рассыпавшись на атомы, я стану плотью породившего меня пространства, начнется главное путешествие моего тела – геохимическое, планетарное и бесконечное.